

Статьи

ТИП СЛУЖАНКИ В РУССКОЙ КОМЕДИИ
XVIII ВЕКА**Ирина Куликова**Вильнюсский педагогический университет
Кафедра русской литературы и межкультурной коммуникации

Служанка – один из постоянных типов русской комедиографии XVIII столетия. Как литературно-театральный тип он сформировался под сильным воздействием французской комедии XVII–XVIII вв., усвоившей и продолжившей в этом отношении традиции итальянской *commedia dell'arte*, в которой маска служанки Серветты (от итал. *servire* – служить) была одной из наиболее популярных. Ориентируясь на комедийную типологию французского классицизма, «отец» русской литературной комедии А. П. Сумароков включает в число основных комедийных типов в своих пьесах и служанку, которая осмыслиется им как один из обязательных персонажей комедийного жанра. Эта обязательность становится особенно заметной в тех случаях, когда присутствие служанки на сцене в функциональном плане является малооправданным и почти формальным. Сумароков же прививает русской комедии и еще одну франко-итальянскую традицию – в его пьесах служанка почти всегда выступает наряду со слугой.

Русская комедийная служанка вобрала в себя все основные структурно-ти-

пологические черты и функции своих западноевропейских предшественниц. Начиная с итальянского народного театра, комедийное предназначение служанки определялось социальной окраской ее роли. Как народно-бытовые персонажи служанка и слуга являлись носителями здравого смысла, трезвого практического взгляда на жизнь, образ мыслей и поведение господ. «Слуга – это вечный «третий» в частной жизни господ. Слуга – свидетель частной жизни по преимуществу...» (Бахтин 1975, 276). В силу своей осведомленности в господских делах слуги в комедии часто выступали в роли критиков или советчиков своих хозяев, оценивая их поступки с народной точки зрения. В классицистской и особенно в просветительской комедии критика слугами своих господ и их окружения приобрела резонерские, назидательно-морализаторские ноты. Социальная природа слуг определила и другую их комедийную функцию – ведение интриги с целью помощи своим хозяевам. Оно осуществлялось, как правило, путем всевозможных проделок, являвшимися источником комического, которое, по-

мимо этого, проявлялось в речи слуг и в фарсовых потасовках с их участием. Эти функции, закрепившиеся за слугами в западноевропейском театре, были усвоены и русской комедией XVIII в. – с разной степенью разработанности в зависимости от комедийных задач каждой пьесы. Однако в изображении русских слуг на сцене по европейским образцам присутствовала большая доля условности, которая не могла не замечаться современным зрителем. Сценическая жизнерадостность, оптимизм русских слуг, перенятые от их итальянских и французских собратьев, мало соответствовали реальной действительности: положение и самоощущение слуг в условиях крепостнической России было иным. В своем подавляющем большинстве слуги в русских барских домах являлись личной собственностью их владельцев, так как набирались из своих крепостных людей. И хотя иногда отдельные черты крепостнической практики проникали в комедию, все же в целом сценические образы слуг оставались театрално-условными.

В структурном отношении русская комедийная служанка во многом повторяет западноевропейскую. Она также всегда молода и, как правило, обладает привлекательной внешностью. «Даром что она служанка, есть на что посмотреть», – говорит о Финетте педант Критициондиус в комедии Сумарокова «Чудовищи» (Сумароков 1990, 317), оценивая ее красоту в превосходной степени – «Таким прекрасным девушкам в древние времена поклонялись» (там же, 319).

«Молода и хороша» Телида, служан-

ка из комедии «Приданое обманом» (Сумароков 1990, 351, 352), «хороша» собой Ниса из комедии «Рогоносец по воображению» (там же, 388). В редких случаях, как, например, в комедии Н. П. Николева «Самолюбивый стихотворец», приводится возраст служанки – Марине из этой пьесы 20 лет. Привлекательная наружность служанки подтверждается и влюбленностью в нее слуги, который либо добивается ее взаимности, либо уже пользуется ею. Так, заметив любовное ухаживание Критициондиуса за Финеттой, слуга Арликин заявляет ему, что она и ему «мила»: «Что хочешь, то делай, только лишь Финетты не замай» (там же, 319). С первого взгляда влюбляется в Нису из «Рогоносца по воображению» егерь: «А ты, душенька, так хороша, что я едаких хорошеньких мало видал. Знаешь ли ты, девушка, что я в тебя смертно влюбился» (там же, 388). Любит Телиду слуга Пасквин из комедии «Приданое обманом», хотя она и не отвечает на его чувства. Влюблен в служанку Машу слуга Андрей из комедии Е. Р. Дашковой «Тоисёков». Ухаживает за служанкой Прасковьей слуга Теф из комедии Екатерины II «Обольщенный», симпатизирует Мавре слуга Трофим из ее же пьесы «Расстроенная семья осторожками и подозрениями».

Любовная линия слуг обычно дублировала любовь их господ (соответственно госпожи служанки и хозяина слуги) и венчалась барским разрешением на их брак в тот момент, когда сами господа, после устранения всех препятствий, наконец-то соединялись. Так получают согласие на брак слуги Краса и Усерд («Мнимый мудрец» Н. Ф. Эмина), Маша

и Андрей («Тоисёков» Дашковой), Мавра и Егор («Вопроситель» Екатерины II), Быстрякова и Скорохват («Осмеянный вертопрах» Н. И. Селявина), Марина и Панфил («Самолюбивый стихотворец» Николева). Последняя пара отличается тем, что Марина на всем протяжении комедии не выказывает любви к Панфилу, бранит и обзывает его, своим острым языком пресекая все его любовные излияния, тем не менее, Панфил просит у господ разрешения жениться и получает его.

Порой любовные отношения связывают слуг одной господской семьи, они, как правило, тоже завершаются браком. Так, женятся Мавра и Трофим, слуги мужа и жены Собриных («Расстроенная семья осторожками и подозрениями» Екатерины II.)

Любовная линия слуг могла быть намечена, но не реализована, как, например, в комедии Сумарокова «Чудовищи». Также только намечена любовная связь служанки Марины и ее жениха Луки в пьесе И. Я. Соколова «Влюбленный слепец»; дана без разработки любовь слуг Амалии и Атиса в комедии И. Михайлова «Одно на другое похоже» – она введена скорее по традиции для дублирования любовной пары их господ. Остается заявленной, но не развитой любовная линия слуг Хавроньи и Сеньки в «Купецкой компании» О. Чернявского, но ее пресечение имеет сюжетную мотивацию, так как хозяйну Сеньки, магистратскому секретарю Лицмерову, отказано в сватовстве к хозяйке Хавроньи – купеческой дочери Марфе.

Наконец, любовные отношения меж-

ду служанкой и слугой могли вообще отсутствовать, как в анонимной комедии «Злоумный», пьесах Екатерины II «Обманщик», «Шаман сибирский», комедии А.А. Майкова «Неудачный сговор, или Помолвил да не женился», пьесе П. Н. Титова «Истинный друг».

Госпожой служанки обычно является молодая, на выданье, дворянская дочь. В таких случаях служанка нередко становится поверенной в ее сердечных делах. Такова Быстрякова, служанка Розы в комедии Селявина «Осмеянный вертопрах» – она посвящена во все дела своей госпожи. Героиня «Истинного друга» Титова Евгения, влюбившись в Милона, друга своего жениха Эраста, открывает свою любовь к нему своей служанке Анисье. Хозяйкой служанки может выступать и замужня барыня («Расстроенная семья осторожками и подозрениями», «Обманщик» Екатерины II, «Плата тою же монетою» А. И. Бухарского, «Неудачный сговор, или Помолвил да не женился» А. Майкова), и вдова (анонимная пьеса «Домашние несогласия»). В редких случаях служанка аттестуется в афише как прислуга хозяина дома («Чудовищи», «Приданое обманом» Сумарокова) или господской супружеской пары («Неудачный примиритель, или Без обеда домой поеду» Я. Б. Княжнина). В комедиях купеческой тематики хозяйкой служанки является молодая состоятельная купеческая дочь («Купецкая компания» Чернявского, «Перемена в нравах» неизвестного автора).

Комедийные имена собственные русских служанок в пьесах XVIII в. отражают как связь их образов с западноев-

ропейской традицией, так и стремление – особенно усилившееся с появлением «прелагательной» установки елагинской школы – к русификации комедийного материала, наполнения его национальным бытовым содержанием. В комедии Сумарокова, особенно ранней, подчеркнута ориентированной на европейские образцы, служанка наделяется иноязычным, условно-литературным именем – Финет(т)а («Чудовищи», «Пустая ссора»), Телида («Приданое обманом»). Однако и в пьесах 1760-х и даже начала 1770-х гг., знаменовавших новую ступень в эволюции комедийного жанра в его творчестве, Сумароков почти не изменяет этой традиции: служанка в них именуется то Нисой («Опекун», «Рогоносец по воображению»), то опять же Финеттой («Вздорщица»). Консерватизм Сумарокова в сохранении нерусского антропонима для служанки наиболее бросается в глаза в «Рогоносце по воображению», комедии, созданной под влиянием фонвизинских новаций в «Бригадире»: паре провинциальных помещиков даны русские, нарочито сниженные имена – Викул и Хавронья, служанке же – Ниса, в афише она представлена как «служанка Хавроньи́на». Скорее всего, традиционное имя служанки здесь – знак классицистского дидактизма, поскольку именно через Нису выражается авторская оценка помещичьих дворянских нравов и осуществляется «приговор искусства над жизнью»: «Я во здешний дом досталась по наследству после покойной Викуловой сестры. Выросла я в Москве, а ныне должна я, донашивая оставшее свое платье, жить по-деревенски и слышати только о сене,

о жнитве, о умолоте, о курах, о утках, о гусях, о баранах и, заедаю свой век, должно еще ожидать такого жениха, который будет говорить: чаво табе, сердцуско, надать? байста со мной – и другие подобные этому крестьянские речи. Да и сами-то мелкие дворяне несносны. Я не о всех говорю; есть довольно и хороших между ими людей. А по некоторой части дуются, как лягушки, и думают только о своем благородстве, которое им по одному имени известно, и чают о своих крестьянах то, что они от бога господам на поругание себе созданы. Нет несноснее той твари, которая одной тенью благородного имени величается и которая, сидя возле квашни, окружена служителями в лаптях и кушаках и служительницами босыми и в сарафанах, боярским возносится титулом» (Сумароков 1990, 394). Сделав Нису «транслятором» своего морализаторского взгляда на «неправильный», с точки зрения просвещенного автора, образ жизни провинциальных дворян (критика господской жизни – традиционная черта амплуа служанки), Сумароков подчеркнул разрыв между желаемым идеалом и реальными нравами мелкопоместных «бояр» противопоставлением их простонародных имен условно-искусственному имени служанки.

В послесумароковской комедии служанка как народно-бытовой персонаж чаще получает «крестьянское» имя – Марина, Мавра, Марья, Маша, Степанида, Дуня, Прасковья, Анисья, Анюта, Хавронья, Дарья. Встречаются и условные имена, но уже русского происхождения – Краса, Зараза. Особую группу составляют фамилии и прозвища, фиксирующие

характерные поведенческие черты этого амплуа – расторопность, бойкость, смекалистость: Вострухина, Быстрякова, Провода, Проныра, Плутана.

Как и в западноевропейской традиции, русская служанка остра на язык. В ее репликах отражается бойкий ум, житейский практицизм, ироническая оценка определенных сторон жизни господ. Обычно критические высказывания служанки касаются морально-нравственного облика дворян, особенностей их социокультурного поведения. При этом иногда народная точка зрения подчеркнута противопоставляется в подобных репликах дворянскому образу мыслей. Так, например, в комедии Дашковой «Тоисёков» на вопрос влюбленного в нее слуги Андрея «<...> ты по-старому ль ко мне милостива?» Маша отвечает: «Полно, не наше с тобою дело, мы ведь не господа, чтоб переменяться и неверностью щеголять» (Дашкова 1786, II, 4)¹.

Критические высказывания служанки нередко предстают в виде более или менее развернутых характеристик уже в самом начале пьесы. В комедии Екатерины II «О время!» в начальном диалоге Непустова и служанки Мавры последняя аттестует свою барыню Ханжахиноу как ханжу и скупердяйку: «Она встает поутру в шесть часов <...> оправляет пред образами лампаду, потом прочитает утренние молитвы и акафист; потом чешет свою кошку, обирает с нее

блохи и поет стих *блажен, кто и скоты милует!* А при сем пении и нас так же миловать изволит, иную пощечиной, иную тростью, а иную бранью и проклятием. Потом начинается заутреня, во время которой то бранит дворецкого, то шепчет молитвы, то посылает провинившихся накануне людей на конюшню пороть батожем, то подает попу кадило» (Екатерина II, I, 1).

В комедии Селявина «Осмеянный вертопрах» уже в открывающем ее диалоге служанка Быстрякова дает уничижительную оценку петиметру Брызгалову:

Безумный вертопрах, смешной, ни к чему годной,
В ваш только дом один имеет вход свободной <...>
Чем он вам нравится? – Знать, странным одеваньем,
Мудреной ческою и глупым бормотаньем.
Неужели вам мил его нелепый бред?
<...> То правда, что никто не станет тратить даром
Слова с таким вралем и дерзостным болваном.
Но вот мне мудрено: что в нем достойно смеху,
Вы то и любите; находите утеху,
Иль лучше бы сказать, прельщаетесь тем,
Что странно кажется и непонятно всем!

(Селявин 1796, I, 1)

Зло и остро отзываясь о «стихотворце» Надмене, дяде своей госпожи, и о петиметре Модстрихе служанка Марина из комедии Николева «Самолюбивый стихотворец». Характеристика Модстриха, особенно в 1 явлении IV действия, приобретает вид обличительного монолога в 50 стихов, который обрамляют менее короткие реплики о нем Марины в ее диалоге со слугой Панфи-

¹ Цитаты из текстов комедий, изданных в XVIII в., приводятся с указанием цифровых обозначений действия (римская цифра) и явления (арабская цифра), если комедия многоактная, и только явления, если комедия одноактная.

лом. Остра на язык и служанка Марина из легкой развлекательной комедии Княжнина «Неудачный примиритель, или Без обеда домой поеду». В антимасонских комедиях Екатерины II «Обманщик» и «Обольщенный» служанки Марья и Прасковья трезво и насмешливо оценивают увлечение своих хозяев учением маргинистов, а в примыкающем к этим пьесам «Шамане сибирском» в речах служанки Мавры разоблачается мошенник шаман, обманывающий легковерных господ и обирающий их. Для комедий императрицы в целом вообще характерно изображение слуг как носителей положительного начала. «Это объясняется очевидным желанием Екатерины показать, что народ хорош, умен и толков, а «недовольные» – это необразованные, своекорыстные дворяне» (Берков 1977, 149). Ту же функцию – разоблачение масонства – исполняет и служанка Краса из комедии Н. Эмина «Мнимый мудрец». В диалоге с Легковерой на ее слова об «умнице Хитроуме» она отвечает: «Почему, сударыня, вы его умницею называете, не потому ли, что он забросал всех непонятными словами и застрашал духами? Нынече и в деревнях, сударыня, эдаким плутам мало верят» (Эмин 1786, II, 6).

Служанка не только характеризует своих господ, но нередко высказывается на общие темы морали и нравственности. Марина из «Самолюбивого стихотворца» Николева объясняет Панфилу:

<...> Основан свет на том.

Мы тянем все к себе, свою лишь славу
видим.

Кто ж в ней мешает нам, того мы
ненавидим.

Любя свою корысть, собою дорожа,
Ни в славе, ни в честях не любим дележа.
Мы щедры для себя, для ближнего мы
скупы.

(Стихотворная комедия 1990, 232)

Анюта из комедии А. И. Клушина «Смех и горе» замечает по поводу современных любовных отношений:

Да, нынече любовь за деньги лишь бывает.
Лишь молотом ударь старушка золотым,
Вмиг голову вскружит красавцам
молодым.
Появится любовь, преданность, нежность,
ласки...

И деньги придадут приятные нам краски.

(там же, 484)

В морализаторских сентенциях служанки находят свое выражение и этические представления эпохи Просвещения – об отношениях отцов и детей, о естественном праве человека на личный выбор, о естественном равенстве людей. В анонимной комедии «Неблагодарный» Лизета замечает Геронту, отцу своей госпожи: «<...> любят не по отцовскому указу; дочь он может выдать, а сердце, будучи вольно, презирает родительскую власть. Оно любит то, что ему приятно, по ненарушимо естественному праву. Очень напрасно тщиться силою, должностью и рассуждением обуздать: ни сила, ни долж- ность, ни рассуждение, ни разум, ничто, кроме собственного его непостоянства, принудить его не может» (Неблагодарный 1788, I, 3). Схожие мысли звучат и в реплике Дарьи из анонимной комедии «Злоумный»: «Ну, кажется, что может быть немилосерднее, как принуждать непорочные склонности детей своих, заставляя их любить то, что ненавидят,

а ненавидеть то, что любят; или, что и того хуже, соединять их судьбу с судьбою таких людей, которые им несноснее вседневной лихорадки? Я слыхала, сударыня, что и у людоедов так с детьми не обходятся <...>» (Злоумный 1788, IV, 1). А служанка Марья из комедии Я. П. Чаадаева «Дон Педро Прокодуранте, или Наказанный бездельник» безапелляционно заявляет, что «бояра» «такие же, как и мы, люди» (Чаадаев 1794, I, 15).

Резонерская функция служанки часто проявляется не только по ходу действия комедии, но и в финальной реплике, резюмирующей весь назидательный смысл пьесы. Она произносится с позиции здравого смысла и адресуется зрительному залу, на что нередко указывает и соответствующая авторская ремарка. Таковы финальные слова Лизеты из «Неблагодарного»: «Так, бездельник² всегда запутывается сам в свою петлю. (К партеру) Вы видели наказание неблагодарнейшему человеку. Пользуйтесь сим примером и никогда ему не подражайте» (Неблагодарный 1788, V, 8). В финале «Знатоков» Н. Эмина служанка Зараза, обращаясь «к зрителям», заключает пьесу словами:

Не лучше ли вперед в чужой цех не мешаться

И в кожу барсову ослам не наряжаться.

Все знают ведь про то, и верно это так:

Дурак хоть в золоте, все будет он дурак.

(Эмин 1788, III, 8)

Довольно часто финальная реплика служанки завершается пословицей или

---

² Слово «бездельник» в XVIII в. употреблялось в значении «промышляющий плутовством, мошенничеством; бессовестный плут» (см. «Толковый словарь...» Даля).

поговоркой, непосредственно воплощающей народное здравомыслие. Так, Марина в «Хвастуне» Княжнина приносит:

Теперь-то вижу я:

Чтоб глупо не упасть и чтоб не осрамиться,

Так лучше не в свои нам сани не садиться

(Стихотворная комедия 1990, 441)

Такой прием используется и в комедиях Екатерины II. Мавра под занавес пьесы «О время!» говорит: «Вот так наш век проходит! Всех осуждаем, всех ценим, всех пересмеваем и злословим, а того не видим, что и смеха и осуждения сами достойны. Когда предубеждения заступают в нас место здравого рассудка, тогда сокрыты от нас собственные пороки, а явны только погрешности чужие: видим мы сучок в глазу ближнего, а в своем и бревна не видим» (Екатерина II, III, явл. последнее).

В целом ряде русских комедий XVIII в. служанка (часто в паре со слугой) изображается корыстолюбивой. Любит деньги, по ее собственному признанию, Маша из комедии Дашковой «Тоисёков». В комедии Соколова «Влюбленный слепец» служанка Марина прикарманивает кошелек с червонцами, который ей дает, принимая ее за Христину, на которой он решил жениться, слепой Аристарх. Падка на деньги служанка Мавра из «Домашних несогласий». Потихоньку обкрадывают своих господ Вострухина и Проворов из «Перемены в нравах» – в конце комедии они признаются в этом, объясняя, что копили себе на свадьбу. Готова за деньги помогать Развратину в соблазнении своей госпожи, которая замужем за его другом, служанка Мав-

ра из комедии Бухарского «Плата тою же монетою» – в финале добродетельная Прелеста, любящая своего мужа, предлагает Мавру за это «согнать со двора». Решают нажиться за счет карточного шулера Булдырхина служанка Дуня и слуга Парфен из комедии П. С. Батурина «Сговор»; когда в финале они признаются в своих проделках, Дуня оправдывает их влиянием духа времени и господских нравов:

Домоседов. Смотрите ж, я ваше счастье делаю с тем, чтоб вам вперед эдаких штук не выкидывать; вы это, кажется, более для своей прибыли предприняли, нежели для услуги своим барам.

Дуня. Ах, сударь! Кто ж нынче больше о чужой, нежели о своей прибыли помышляет? Мы в этом следовали примеру своих господ.

(Батурин 1783, III, 9)

В отношениях со своей госпожой своекорыстная служанка может быть ироничной, она может даже манипулировать ею в своих интересах. Мавра из «Домашних несогласий» прямо заявляет: «Наши господа должны по нашей дудке плясать.<...> Мою барыню я вожу за нос, как няня водит дитя на помочах» (Домашние несогласия 1773, V, 15). Откровенно подтрунивает над своей госпожой Марина из княжнинского «Хвастуна», зная ее слабость к знатности, она умело пользуется ею. Корыстолюбивая служанка чаще действует в собственных, нежели господских, интересах и в этом смысле являет собой особую разновидность данного комедийного типа.

В некоторых комедиях отмечается стремление служанки стать дворянкой. «Мне, право, хочется дворянкою по-

жить», – признается Марина в комедии Княжнина «Хвастун» (Стихотворная комедия 1990, 348). Когда слуга Верхолета Полист, чтобы добиться ее благосклонности, уверяет ее в своем мнимом дворянстве, Марина соглашается стать его невестой. Из-за желанного дворянства она и ссорит любящих друг друга Милену и Замира, чтобы ускорить свадьбу первой с Верхолетом, а заодно и свою с Полистом. В анонимной комедии «По одежке протягай ножку» служанка Дарья пытается реализовать свои социальные притязания на пару со слугой Сорваром. Путем подделки господских «рядных» они решают вступить в брак со своими господами: Сорвар намеревается жениться на Прелесте, а Дарья – выйти замуж за Страстова. Мечтая о браке с дворянкой, Сорвар в диалоге с Дарьей утверждает: «Это не новое, чтобы после барина слюбиться с камердинером. Я пригож, я проворен. Я совесть мою дальними размышлениями не отягчаю. С этими тремя качествами большую в нынешнем свете можно сделать дорогу. И поверь мне, что не я первый» (По одежке протягай ножку 1790, 1). Он не видит принципиальной разницы между собой и дворянами. Сорвару вторит Дарья: «А я чем не барыня? Довольно пригожа, увертлива, болтать мастерица. Менять любовниками охотна. Играть в карты и наряжаться, были бы деньги, научиться немудрено. Разбогатевши, буду занемогать истерикою, падать в обмороки <...>» (там же).

Как и ее итальянские и французские предшественницы, русская служанка смекалиста, инициативна, бойка и расторопна. Эти ее качества обычно прояв-

ляются в ведении комедийной интриги, суть которой состоит в соединении любящей господской (как правило, дворянской) пары. Служанка может вести интригу как одна, так и в паре со слугой «любовника» ее госпожи. Степень участия ее в интриге может быть разной. Она может задумать ее, реализовать и привести к желаемому итогу. Так поступает Марина из «Самолюбивого стихотворца» Николева: «А впрочем, дело все исправлю я одна» (Стихотворная комедия 1990, 289). Только благодаря ей одной и устраивается счастье Миланы и Чеснодума. По мнению Марины,

Когда усердствует проворная служанка,
<...>То лъзя ль, чтоб тех господ судьба
была строга?

(там же, 235)

Марина придумывает «переменить» авторство чеснодумовой трагедии на авторство петиметра Модстриха и убедить в этом Надмена, который терпеть не может никаких других авторов, кроме себя (в его лице высмеян Сумарков). В результате Надмен соглашается на брак своей племянницы Миланы с Чеснодумом, а влюбленный в Милану Модстрих остается ни с чем. Сюжетно активна Мавра из комедии Екатерины II «О время!»: именно с ее помощью устраивается свадьба Молокососова и Христины. Устраивает счастье своей госпожи Прияты служанка Плутана из комедии И. А. Крылова «Проказники»: при помощи разных уловок она выманивает от родителей Прияты, уже сговоренной было за бездарного стихотворца Тянислова (которому даже выдана наперед часть приданого), письменное разрешение на брак их дочери с Милоном

и лишь тогда сознается в своих проделках, когда молодые возвращаются уже обвенчанными.

Сюжетная функция служанки могла иметь и другое проявление. Служанка могла и не вести интригу целиком, но совершить поступок (нарочно или случайно), благодаря которому действие приходило к искомому результату. Так, Дарья в «Злоумном» подслушивает разговор Ядона со своим слугой Андреем, а затем, из чувства женской мести на обидные слова Андрея о ее внешности, подменяет письмо Ядона к Обиралову, которое Андрей должен тому отнести. Это письмо Дарья отдает Праводуму, и оно становится главным аргументом в разоблачении Ядона в глазах Легкомыслы, собиравшейся выдать за него свою дочь Честану. Легкомысла наконец-то прозревает и дает согласие на брак Честаны с Премилом, чего и добивался Праводум.

По счастливой оплошности служанки предотвращается брак графа Дубового, человека не особенно проницательного, но доброго, и госпожи Новомодовой в комедии Крылова «Сочинитель в прихожей». Служанка Новомодовой Дарья берется высушить тетрадь с сочинениями Рифмохвата, желавшего поднести ее графу, но уронившего ее под колесо кареты. Но по ошибке она возвращает ему тетрадь своей госпожи, в которой она отмечала своих любовников, часы их визитов и подарки, которые они ей дарили. Эту-то тетрадь Рифмохват и подносит графу в тот момент, когда он собирается ехать с Новомодовой к венцу. Граф узнает о коварстве Новомодовой и расстается с ней.

Выступая в паре со слугой, служанка может быть ведущим или, наоборот, ведомым персонажем. Марина во «Влюбленном слепце» Соколова, стремясь помочь своей госпоже, берет в союзники своего жениха – слугу Луку. Дуня в «Сговоре» Батурина уже в самом начале комедии посвящает слугу Парфена в свой план: Парфен, переодетый в женское платье, должен пойти на свидание с Булдырхиным под видом Милены. В «Осмеянном вертопрахе» Селявина весь план интриги придумывает слуга Скорохват вместе со своим баринном, а служанка Быстрякова помогает им осуществить его.

Служанка может и не играть никакой роли в развитии интриги, оставаясь сюжетно пассивной. Такова в основном служанка в комедиях Сумарокова. Таковы Мавра в «Шамане сибирском» Екатерины II, Зараза в «Знакоках» Н. Эмина, Анисья в «Истинном друге» Титова.

Чаще, чем сюжетную, служанка выполняет информативно-композиционную функцию. Сцены с ее участием, как правило, начинают комедию. Это может быть выходной монолог или диалог со слугой либо с любым другим персонажем (со своей госпожой, ее «любовником», родственником семьи, в которой она служит, и т.д.). Служанка вводит зрителя в суть сложившейся к началу действия ситуации, дает начальную характеристику основным персонажам, а в дальнейшем – нередко сообщает о ходе действия.

Наконец, согласно традиции, русская служанка является носительницей комического начала и связанной с ним стихии яркой театральности, игрового

перформанса. Они проявляются прежде всего в ее сценическом поведении, в тех комических проделках и уловках, с помощью которых она устраивает счастье своей госпожи или стремится достичь собственной выгоды. Это может быть игра, как в комедии Соколова «Влюбленный слепец», когда Марина, которая «голосом и речью» похожа на Христину, выступает в ее роли перед влюбленным в нее слепым стариком Аристархом. Это может быть подложное письмо, как в пьесе «Плата тою же монетою» Бухарского, когда корыстолюбивая Мавра пишет от имени своей госпожи Прелесты записку Развратину, сообщая, что готова уступить его страсти. Это обман, как в комедиях «Сговор» Батурина, «Самолюбивый стихотворец» Николева: в первой пьесе служанка Дуня вместо того, чтобы исполнить приказание своей госпожи Милены и вернуть письмо с отказом влюбленному в нее Булдырхину, наоборот, от ее имени назначает ему свидание; во второй – Марина убеждает Надмена в том, что автором трагедии является не сочинивший ее Чеснодум, а Модстрих. Это переодевание, как в «Хвастуне» Княжнина, когда служанка Марина, переодевшись в платье Милены и подражая ее голосу, старается убедить слугу Верхолета Полиста, что расположена к его хозяину; как в «Проказниках» Крылова, когда служанка Плутана, переодевшись модным франтом, обвораживает родителей своей юной госпожи Прияты, решивших выдать свою дочь не за Милона, а за Тянислова. Все эти уловки традиционны для европейской комедии со времен итальянской комедии масок.

Комическое реализуется и в сценической речи служанки – в комических диалогах (в основном с напарником слугой или с отрицательным персонажем), в отдельных репликах, в том числе – «в сторону». Комический диалог при этом может сопровождаться приемами грубой комикки: «дает пощечину», «хватая за нос», «бегая за ним», «сзади толкнув его в бок» и прочее тому подобное. Примером такого комического диалога может служить сцена Марины с петиетром Модстрихом в «Самолюбивом стихотворце» Николева (Д. II, явл.4). Сценическая речь служанки (как и слуги) отличается сниженным разговорным стилем, в ней нередко используется народное просторечие. Включение просторечных форм и оборотов в речь служанки встречается уже в комедиях Сумарокова: «На эдакую дурную рожу плевать гадко»; «У меня и голос есть, однако французских песен петь я не умею, пропади он с песнями своими»; «Разве до слов-то он охотник?» («Чудовищи»); «Пустое ты мелешь»; «Она с ума спятила, да и нас, видно, всех с ума сведет. Едакая барыня!»; «Куда какой он премудрый»; «Я сама на себя руки подыму» («Вздорщица»).

Показателен в этом плане диалог слуг Федула и Дуни в комедии Батурина «Сговор»:

Федул. Что ж, груша моя кудрявая, ты не весела?

Дуня. А тебе, шершавой ветютень,³ какое дело?

Федул. Как какое! Утроба моя, ведь барин-

ат мой на твоей барышне женится, так и мне того ж хочется (хочет обнять).

Дуня. Поди же, поди прочь; я тебе сказываю, берегись, чтобы тебе не схлебнуть чего.

Федул. И! Мать ты моя праведная (хочет поцеловать).

Дуня (дает ему пощечину). Вот тебе, фаля, за твою дурацкую наглость.

(Батурин 1783, II 15)

Те же стилистические особенности речи служанки отмечаются и в стихотворной комедии, которая, по сравнению с прозаической, считалась более высоким жанром. Так, например, в речи Марины из «Самолюбивого стихотворца» используются следующие выражения: «К тому ж пригоже ли... ну есть ли только след Щалберить с холостым девчонке в двадцать лет?»; «А для чего ж не так? Ты барин не велик»; «Да долго ли тебе о вздорах толковать?»; «Опять за бредни!»; «Куда как ты горяч!»; «Какой привязчивый дурак! На, на, целуй, целуй, лишь только отвяжися»; «Ага! Так в сердце ты не так-то чтоб храбрец?»; «Насилу черт унес»; «Когда свое вранье, так что его дороже!»; «Насилу в ум пришло!»; «Верьте мне, так дело и с концом»; «Опять ты начал завираться?»; «Куда соваться мне с простой моей душою? Иное дело вам...».

Однако, несмотря на приведенные примеры, вряд ли можно говорить о стилистической сниженности речи русской служанки XVIII в. как константной особенности ее комедийного образа. Существуют комедии, в которых речь служанки либо снижена лишь в незначительной степени, либо вообще не снижена и выстроена по правилам

³ По Далю: 1-ое значение – вяхирь (голубь); 2-ое – простак, простофиля, разиня, рохля.

среднего «штиля». Такова, например, речь Степаниды в комедии В. И. Лукина «Мот, любовь исправленный». В целом же сценическая речь служанки носит достаточно условный характер, поскольку определяется не столько реальным социальным статусом персонажа, сколько его комедийным амплуа. Простонародные речевые обороты, лексика исполняют роль языкового индикатора служанки как персонажа из русского народа вообще, без какой-либо социально-психологической конкретизации – важна маска, тип, без индивидуального начала.

Большинство русских комедий XVIII в. редко касается крепостнической основы взаимных отношений господ и слуг. Все же отдельные бытовые реалии находят свое отражение как в социально-бытовой и нравоучительной, так и в легкой развлекательной разновидностях комедийного жанра. Так, в сумароковском «Рогоносце по воображению» отмечается факт продажи крепостной служанки Нисы:

Ниса. Я за милостивое увольнение себя от вашей супруги и за милостивое во здешнем доме содержание благодарствую. Барыня изволила меня отдать графу, а я выхожу замуж за этого человека, которого вы видите [за егеря графа. – *И.К.*]

Викул. Дворецкий! Едак она меня и совсем разорит. <...>

Егерь. Не разоренье это, господин Викул, когда она за девушку эту пятьсот рублей получила.

Ниса. Граф ей за меня дал пятьсот рублей.

Викул. Пятьсот бы тебе ударов плетью.

Егерь. Милостивый государь! Такой великой суммы таких ударов и вы не вытерпите.

Ниса. Да чем я вас прогневала? Я вам верно служила.

(Стихотворная комедия 1990, 409)

В комедии Лукина «Мот, любовь исправленный» слуги Василий и Степанида получают не только разрешение пожениться, но и «отпускную» на волю. В развлекательной комедии Соколова «Выдуманный клад» Нимфодора, застав свою служанку Марину в саду вместе с Евгенией и Миленом, незамедлительно угрожает ей расправой за то, что она, несмотря на запрет, сопровождает барышню на любовное свидание: «А тебе, госпожа провожатая, велю хорошенько харавину-то исписать, так не станешь с барышней по садам ходить» (Соколов 1782, 4).

Как показывает русский комедийный материал XVIII в., далеко не всегда все вышеотмеченные функции служанки (информативная, сюжетная, резонерская, комическая) могут быть присущи одному персонажу. Служанка может в той или иной мере вести интригу, но не нести назидательного или комического начала, или наоборот, – здесь возможны разные вариации. Но почти всегда она выполняет информативную функцию. Наконец, следует отметить, что она может быть только номинативным, нефункциональным персонажем, как, например, Амалия в комедии Михайлова «Одно на другое похоже».

ЛИТЕРАТУРА

Батурин 1783 – Батурин П. С., *Зговор: Комедия в трех действиях*, С.-Петербург.

Бахтин 1975 – Бахтин М. М., *Вопросы литературы и эстетики*, Москва.

Берков 1977 – Берков П. Н., *История русской комедии XVIII в.*, Ленинград.

Дашкова 1786 – Дашкова Е. Р., *Тоисёков: Комедия в пяти действиях*, С.-Петербург.

Домашние несогласия 1773 – *Домашняя несогласия, забавное зрелище в пяти действиях, переведено из Голдониева театра с небольшими по нашим обычаям отменами*, С.-Петербург.

Екатерина II – Екатерина II (имп.), *О время! Комедия в трех действиях. Сочинена в Ярославле во время чумы, 1772 года*, С.-Петербург [год издания отсутствует].

Злоумный 1788 – Злоумный: Комедия в пяти действиях, *Российский феатр, или Полное собрание всех российских феатральных сочинений. Часть 23*, С.-Петербург.

Неблагодарный 1788 – *Неблагодарной: Комедия в пяти действиях*, Москва.

По одежке протягай ножку 1790 – По одежке

протягай ножку: Комедия, *Российский феатр, или Полное собрание всех российских феатральных сочинений. Часть 36*, С.-Петербург.

Селявин 1796 – Селявин Н. И., *Осмеянной вертопрах: Оригинальная комедия в трех действиях в стихах*, Москва.

Соколов 1782 – Соколов И. Я., *Комедия Выдуманной клад: В одном действии*, С.-Петербург.

Стихотворная комедия 1990 – *Стихотворная комедия, комическая опера, водевиль конца XVIII–начала XIX века*. Сб.: Т.1, Ленинград (Библиотека поэта. Большая серия).

Сумароков 1990 – Сумароков А. П., *Драматические сочинения*, Ленинград.

Чаадаев 1794 – Чаадаев Я. П., *Дон Педро Прокодуранте, или Наказанной бездельник: Комедия сочинения Калдерона де ла Барка*. С Гишпанского на Российской язык переведена в Нижнем Новгороде, Москва.

Эмин 1788 – Эмин Н. Ф., *Знатки: Комедия в стихах*, С.-Петербург.

Эмин 1786 – Эмин Н. Ф., *Мнимый мудрец: Комедия в пяти действиях*, С.-Петербург.

XVIII AMŽIAUS RUSŲ KOMEDIJOS TARNAITĖS TIPAS

Irina Kulikova

S a n t r a u k a

Straipsnyje analizuojami pagrindinės XVIII a. rusų komedijos tarnaitės tipologinės ypatybės bei funkcijos. Teigiama, kad tarnaitės rusiškasis įvaizdis susiformavo įtakojant Vakarų teatro tradicijai (itališkoji commedia dell'arte ir prancūziškoji klasicizmo

komedija). Struktūriniai šio personažo bruožai ir funkcijos išryškėja A. Sumarokovo, N. Nikolevo, J. Kniažnino, Jekaterinos II, N. Emino, A. Majkovo, N. Seliavino, P. Baturino, I. Sokolovo, I. Krylovo bei kitų XVIII a. antros pusės autorių komedijose.

Получено: 2010, август

Принято: 2010, сентябрь

Адрес автора:

Vilniaus pedagoginis universitetas
Rusų literatūros ir tarpkultūrinės
komunikacijos katedra
Studentų g. 39
LT-08106 Vilnius Lietuva
E-mail: Kulikovadm@gmail.com